

ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Группа народов современного Запада в культурно-историческом и цивилизационном отношении достаточно однородна. Такое единообразие становится особо заметно на фоне значительной пестроты и многообразия прочих народов и цивилизаций незападного мира. По отношению к остальному миру белый Запад мог бы рассматриваться условно даже как одна страна. Некогда цементирующая воля Франкского государства, затем религиозно-политическое единство через Католическую церковь, кровные связи правящих династий, англо-саксонская мировая колониальная, а затем неоколониальная системы, Евросоюз, евроатлантический союз – всё это обнаруживает существование на планете единого организма, с особой эволюционной энергетикой и единой судьбой, что повсеместно принято называть словом – ЗАПАД.

У народов и наций Запада сформировалось твёрдое культурно-цивилизационное представление о себе как о наследниках и продолжателях Священной Римской империи. В течение многих столетий здесь вырабатывалось устойчивое осознание – какие народы считать «своими», то есть кто «европеец», а кто «чужие».

Католичество, а затем и протестантское ответвление послужили существенному идеологическому, мировоззренческому и даже культово-бытовому отграничению западных народов от прочих народов мира. Привнесение западной религии в народы заведомо другого цивилизационного потока не превращало эти народы в Запад. Например, католицируемая испанцами и португальцами Южная Америка не стала ни Испанией, ни Западом. Не стали Западом христианизируемые европейцами колонии Африки и Индостана. В культурно-цивилизационном смысле белым Западом не становится, строго говоря, даже собственное латиноамериканское и афроамериканское население Соединённых Штатов, не говоря об арабских и турецких эмигрантах в Германии и Англии. Удалённые уголки мира если и становились Западом, то не от прихода туда западной религии или западной культуры, а от массового заселения их европейцами, и, как оказалось, не любыми, а исключительно англо-саксами. Так произошло с Соединёнными Штатами, Канадой, Австралией, до определённого времени с белой частью ЮАР. Ни голландцам, ни испанцам, ни португальцам, ни французам, ни немцам на территориях их колоний подобного привития второго «Запада» так и не удавалось. Все остальные, кроме англо-саксов, будучи нациями континентальными, оказались не склонны к вегетации на дальних расстояниях. Присутствующие в значительной мере в Канаде и на севере Соединённых Штатов немцы и французы всё же существуют там в орбите стержневой цивилизации и культуры англо-саксов. Такое историческое испытание, быть ли поглощённым, либо удержавшимся, показывает – какая нация, или ядро какой нации в Западной цивилизации предрасположено быть здесь базовым.

Можно отметить, что в противоположной части земного шара, ровно на 180 градусов от цитадели Соединённых Штатов, расположена Россия, и что русские являются основой другой, назовём её в порядке полярности *не-Западной*, цивилизации. Никому другому в Азии, ни китайцам, ни индусам, ни египтянам, ни чингисхановой Орде не удавалось за пределами их коренной локализации сделать значительные чужие территории и другие народы продолжением собственной цивилизационной волны. Подобного в глобальном масштабе добились только русские. Непрерывающееся уже третье столетие фактически главное планетарное противостояние в лице двух наций, англо-саксов и русских, за каждой из которых вырисовывается целый особый мир,

является дополнительным свидетельством центральной, стержневой и системообразующей роли каждой в образовании соответствующих цивилизаций.

Говоря о Западе и, соответственно, об Азии в общепринятом смысле, необходимо определить границы, понимать ли их географически, культурно, генетически, энергетически, эмоционально, психически или ещё как-либо. Главные споры о разграничении Запада и Востока, или Европы и Азии, в последние двести или сто лет ведутся относительно цивилизационной принадлежности народов Восточной Европы. В этих спорах, часто окрашенных пристрастными политическими, либо националистическими оценками, необходимо отделять реальность от политической мифологии и бытовых стереотипов. Дело не в названиях, присвоенных некогда историками и географами, а в сути. Соединённые Штаты и Канаду, например, единодушно относят к цивилизации Запада. Понятно, что делается это не по географическому признаку, ведь они не в Европе, а потому, что народы этих стран сформированы с подавляющим присутствием европейцев, и многие их потомки на данных территориях по-прежнему душой и духом остаются продолжением Старого Запада. То есть, не-Азии. Предки европейских переселенцев в Америку, их племена, сами, в свою очередь, некогда пришли в Европу, как считается, из Азии, и вытеснили здесь племена прежних «европейских» жителей, тех же кельтов. Тем не менее, несмотря на «азиатское» происхождение, вопреки разной «национальной географии», и тех германских варваров и современных белых северо-американцев одинаково считают «Западом».

Мы предлагаем тех и других принимать как разные цивилизационные потоки, или разные цивилизационные волны одного и того же эволюционирующего планетарного Запада. Разные по тысячелетиями созревающему национальному духу и разные по дате очередного воплощения той или иной нации, но значительно схожие по узнаваемому западному менталитету и западной психоэнергетике. И кельтские племена с их загадочной культурой, и древние римляне, образовавшие Римскую империю, и неизвестно откуда приплывшие викинги и нахлынувшие норманны, и нынешние западные нации, включая американцев, это всё *Западные цивилизации*, поочерёдно или с некоторым наплывом, волнами приходившие друг за другом. Аналогично, крупными волнами следовали друг за другом народы Азии. Вне зависимости, в какой бы части планеты коренные нации этих волн ни зародились, а затем осели – в Азии, Европе, Африке или Америке.

Мы говорим не о наименованиях народов. Наименование народа или его страны может сохраняться тысячелетия, тогда как главное содержание народа, его дух и душа могут в том же самом наследуемом национальном теле измениться. Когда говорят о Китае, существующем пять тысяч лет, или об Индии, то, строго говоря, никто не доказал, что здесь в теле нации, или известных здесь народностей, а тем более в душе или духе нации ничего не изменилось.

Что в таком случае в цивилизационном отношении означает принадлежать Западу или Азии, если географически (как, например, в случае с европейцами и американцами) нации одной и той же цивилизации могут обосноваться в разных частях света? Ведь, казалось бы, весьма произвольно и весьма относительно для вращающегося планетного шара какую-то одну его часть именовать «западом», а другую «востоком». За 24 часа планета делает полный оборот, и таким образом какая разница? Тем не менее, расположение на планете четырёх магнитных аномалий и динамический танец линий напряжённости геомагнитного поля Земли выявляют деление планеты на две разные половины, на разделённые когда-то картографами два полушария: Западное и Восточное. Точно так же характерное расположение материков, границы литосферных плит и их геологические параметры, своеобразие поведения в обоих полушариях потоков воздушных масс привносят в геометрически однородную «шарообразность» планеты неизбежную поляризацию геохимических и магнито-электрических процессов. Давно

установлено, что в отношении души и духа наций (понимать ли их реально, или фигурально), соответственно и их культур, обнаруживается аналогичная поляризация.

В древних традициях во все известные времена и на всех континентах принят был сходный набор ассоциаций, соответствующий энергетике и настроению природы и человека при подъёме Солнца и в целом в первой половине дня, и при закате и во второй половине дня. Есть экспериментальные данные психологов, согласно которым на Востоке (у восточных народов) преобладает развитие правого полушария головного мозга, а на Западе – левого полушария. Несмотря на то, что планета «круглая» и «вращается».

Было установлено, что полноту мыслительно-психических процессов обеспечивает асимметрия правого и левого полушарий мозга. Явление этой асимметрии отличается своеобразием: какими-то свойствами обладает либо одно, либо другое полушарие, другими свойствами и функционалом – оба, но в разной степени, и всё это находится в сложнейшей взаимозависимости и взаимодействии. Полушария различаются по химическому составу, по-разному воспринимают явления окружающей среды, различна их роль в творческой работе мозга.

Признано, что левое полушарие мозга – филогенетически более молодое. Если картину упростить, то можно сказать, что левое полушарие контролирует правую половину тела, то есть в общем случае – силовую половину, *ян*. Оно обеспечивает способность к речи, анализу, детализированию, к формальной абстракции. С точки зрения информации, левое полушарие обрабатывает её последовательно, выстраивая цепочки, алгоритмы, оперируя с такими смысловыми единицами, как факт, деталь, знак и отвечает за абстрактно-логический компонент в мышлении. Философски это могло бы быть названо *аналитическим методом*, или *методом Аристотеля*, противоположного *синтетическому методу Платона*. Преобразование информации в левом полушарии осуществляется по аналогии с действием алгебраических правил, арифметических знаков и операций, то есть по правилам формальной логики. Результатом является мысль, выжатый, сухой остаток которой выражен в виде слов и формул. Левое полушарие способно понимать в основном лишь буквальный смысл слов, а читать между строк, наполняться ассоциативным богатством оно не умеет. В этом полушарии находятся активные центры речи и практической деятельности.

Правое полушарие, в отличие от левого, является, как установлено, филогенетически более древним. Аналогичное касается и истории и культуры человечества, потоки которых, как известно, шли с Востока. В рамках телесного управления правое полушарие контролирует левую, так сказать, «женственную» половину тела, *инь*. Это полушарие отвечает за многообразный мир эмоций и способно воспринимать информацию в целом, работать одновременно по многим каналам, а в условиях её недостатка, отсутствия необходимых деталей, восстанавливать целое по нескольким обнаруженным частям. Специализируется правое полушарие на обработке информации, выраженной в образах. Это так называемое «образное мышление», которое обеспечивает восприятие реальности в полноте многообразия и сложности, то есть в целом, со всеми составными элементами. С работой правого полушария принято соотносить: интуицию, самокритику, творческие возможности, способность к адаптации в обществе, трансцендентность, религиозность, чувство стыда, этику.

Причастность характера и менталитета того или иного народа к «Западу» или к «Востоку», к «Европе» или «Азии» определяется, конечно, не непосредственно его координатным расположением на поверхности земли и уж тем более не географическим *наименованием*, но в первую очередь энергетическим, душевно-психологическим и духовным аспектами, траекторией линии развития культуры, наследственными связями и складывающейся судьбой.

Выясняя, к Западу или не к не-Западу тяготеет та или иная нация, мы не должны цепляться за географические наименования «Европа» и «Азия», принятые географами для евразийского континента (с границей по Уралу), выводя из самих данных названий в приложении к народам и странам далеко идущие последствия. Иначе получится, что Башкирия, Татарстан, не говоря уже о таких характерно азиатских народах, как калмыки, кавказские народности, крымские татары, находящиеся западнее Урала, окажутся «европейскими», и древо их самобытной культуры с известным восточным колоритом окажется продуктом «Запада». И такие нации, как поляки, венгры, болгары, румыны, сербы, чехи и словаки, их культуры (в значительной мере созвучные друг другу, но заметно отличные от культуры Запада) также окажутся чисто «европейскими» и «западными». Получится, что и русский феномен, его душа и дух, как окончательно созревшие и пробудившиеся территориально западнее Урала, а в развитых формах культуры явно сподвинутые в эпоху Ренессанса Западом, будут «западной цивилизацией» и «западной культурой», а сама Россия – «частью Запада». Подобный вывод сильно бы удивил коренных европейцев. Если славяне, и, в частности, русские, это – Запад, в таком случае какой нужно будет считать культуру и цивилизацию швейцарцев, канадцев, немцев, французов, американцев и англичан? Для разнесения этих заведомо разных групп наций и их разных жизненных нот понадобится изобретать какой-то другой, второй Запад.

Между органичным сплетением культуры, ментальности, психологии, характера и темперамента народов Запада, что и даёт состояться такому устойчивому и вполне узнаваемому феномену, как Запад, и аналогичным сплетением, явленным народами не-Запада, налицо существенное отличие, существенный, почти осязаемый барьер.

В своей известной работе «Столкновение цивилизаций» американский социолог Самюэль Хантингтон проводил линию цивилизационного различия по религиозно-культурному признаку, разделяя, в частности, этой линией народы, принявшие «западное христианство» (католики и протестанты Западной Европы) и принявшие «восточное христианство» (православные церкви России, Греции, Леванта). Касательно современных греков это было смелым заявлением. Вместе с тем, надо согласиться, что за два с половиной тысячелетия греческая нация сильно изменилась и, действительно, всё больше являет менталитет и жизненный почерк как Запада, так и Азии, смещаясь к роли межцивилизационного соединительного пояса.

Приверженность или созвучие нации к той или иной религии будет, на наш взгляд, всё же следствием, а не причиной ментальности и прочих характерных черт нации. Буддизм, например, не прижился на родине своего происхождения – в Северной Индии, но характерно и практически полностью охватил монголоидные нации, так называемую «жёлтую расу», расположенную севернее и восточнее Индостана. Характерен и этнический состав основы ислама. В целом, можно согласиться с Хантингтоном, что за исключением нескольких стран граница белой Западной цивилизации в Евразии совпадает с границей распространения католическо-протестантской, то есть западной религии. Западная религия характерно противостоит окружению заметно иных религий, и даже доктринально сходному русскому православию. За полуторотысячелетний срок она придала душе Западной цивилизации, её культуре, выразительное, неповторимое лицо.

Запад

Что из себя территориально представляет историческая цитадель Старого Света – Западная Европа? И чем, в свою очередь, характерно отличается география Азии, в частности России, от Америки, этого нового Запада, расположенного вообще на противоположной стороне земного шара?

Как писал Готфрид Гердер, «...Америка пересекает все географические зоны и заключает в себе и самые жаркие и самые холодные области, и области с самым

переменчивым климатом...»¹. Иными словами, обе Америки одинаково протянулись по всем климатическим зонам, их горный массив словно позвоночник, расположен «по вертикали», или вдоль оси вращения планеты. В свою очередь Азия и показательно Россия имеют протяжение по всем часовым поясам полушария, то есть, протянулись «по горизонтали», или по линии времени.

В некотором смысле про обе цивилизации можно сказать, что они *перпендикулярны* друг другу, или разнонаправленны. Как пространственно, так и ментально и психически, то есть, цивилизационно. У одних заметно преобладает устремление к развитию материального, тогда как у других – духовного.

Интересно данное противоположение соотносить с ассоциациями древних культур. Влияние Сатурна древние традиции соотносили с ментальностью и в целом с процессами статики, в частности с пространственными конструкциями, а в теле человека – со скелетом (опорой и статикой организма). Изображая Сатурн с косою, а в иных случаях с песочными часами, тем самым подразумевали его владыкой не бесконечного, а материально-ограничительного времени, владыкой так называемой «смерти», или завершения жизни на физическом плане. Аналогичное отводили Западу, как стороне света, осени и вечеру в сравнении с Востоком, весной и утром. В подобном качестве Сатурн, или вернее принцип Сатурна, связывался с принципом дискретности (фрагментарности) бытия, позволяющим нашему уму воспринимать ближайший телесный мир. Отсюда и формальная логика, и арифметика, и даже денежный счёт, которых соотносили с рациональным умом и с Сатурном. Уран, или нечто запредельное (простым зрением Уран на небе невидим), напротив, полагали владыкой животворного, прежде всего, духовного огня², в широком смысле – огня непрерывной жизни и мудрости, единым мировым древом, обращённым разветвлённой кроной в наш проявленный мир. Такое древо олицетворяло всё бытие, в его пространственной неделимости и вечности роста. В некоторых мифах у корней данного древа показан змей, который их грызёт. Это всё тот же образ всеобщего ограничивающего признака, частным случаем которого является рациональный ум и ещё более частным – личность, то есть обособленный атом среди единого и безграничного бытия. На встрече непрерывного и дискретного, духовного и материального, рационального и иррационального, образно выражаясь, между молотом и наковальней, куётся жизнь.

Противолежание, обнаруживаемое между обеими глобальными цивилизациями, Востоком и Западом, можно сравнить с функциональным различием между *временем* и *пространством*. Бесконечность времени, или правильнее сказать, потока сгармонизированных событий, есть бесконечная жизнь, а волна такой жизни периодически нарушает форму и стремится покорить пространственные ограничения. Тогда как пространство связано с материальным, внешним и стационарным, в частности, с формой, оно, или форма стремится «остановить», «упорядочить» или «подчинить» себе время, поток развёртывания волны.

Сравнительно разную тенденцию тяготения к развитию *духовного* и *психологического* в Азии и *материального* и *предметного* на Западе отмечали многие авторы. В

---

¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., издательство «Наука», 1977. С.160.

² Ср.: Ану и Кумарби (хурритский миф об осклоплении), Уран и Кронос (греческий миф у Гесиода об осклоплении), Вишну и Шива (см. миф о Шукре-семени, проглоченным Шивой), Тот и Сет (египетский миф о проглоченном семени). Или разбой, устроенный Шивой на круговом празднестве ведических богов, закончившийся появлением на небе божественного созвездия *Мригаширша* (греч. *Орион*) и *Ардра* (красная звезда Бетельгейзе). Или разбой, устроенный Тифоном в круге празднующих олимпийских богов. Везде в этих мифах один из смыслов заключается в констатации подчинения бесконечного времени ограниченной цикличности времени, круговороту воплощений и смерти (образ разрушения), ключом к которому в Солнечной системе все вышеназванные зрелые традиции называли *принцип Сатурна*.

ландшафтах Западной Европы характерную географическую специфику вертикальной «пространственности», присущую, как было показано выше, Американскому континенту, выявить сложнее, если только в известном образом расположенной Британии. Хотя разнообразие ландшафта и тяготение очагов культуры у западноевропейских народов именно к островам и побережью, например, богатое изрезанностью Средиземноморье (в отличие от континентальных азиатских очагов культуры) отмечены давно. Можно предположить, что укоренение народов нынешнего Запада на оконечности Евразии оказалось вынужденной мерой, а более созвучный Западу материк, нечто, как утверждал Платон, утонувшее, должен был быть занят западными народами. В результате уже в нынешнюю эпоху, при первой же исторической возможности значительная часть населения Запада перебралась с Евразии на американскую территорию. А на их место в Европе всё усиливается вторжение арабского и тюркского мира.

Итак, вся семья западных народов с их генетической родственностью, с их особенностями мироощущения, психической и ментальной организацией, почерком их функционирования, созвучные с возникшими устойчивыми формами миропредставления, соответствующей культурой, духовностью, социальной организацией и их динамикой могут быть названы *Западной цивилизацией*.

На исторической арене, в масштабах планеты – это единый *субъект*, или как говорят, единый *актор* истории. Это то, что характерно имеет свою душу и тело, свою историческую биографию и судьбу.

Если вернуться к выше названной аналогии функционального противоположения Запада и Востока как пространства и времени, то можно отметить, что *предмет, вещь*, то есть материальный аспект бытия, для нас обнаруживается (или существует) исключительно в рамках конкретной формы и ограниченного пространства. Исследованию их единичностей, их статичности хорошо способствует аналитика, движение от частного к общему. К этому тяготеет Запад и левое полушарие головного мозга. Напротив, функциональные организованности, которые мы выявляем через смысловой аспект бытия, обнаруживаются не столько в единичностях, сколько на общностях. Например, такой «нематериальный» или с помощью одной лишь аналитики сложно уловимый феномен, как глобальная цивилизация. Такие общности, больше даже похожие на потоки, дают о себе знать преимущественно в динамике, то есть во времени, в целостности всего образа. Так, проявление глобальной цивилизации обнаруживается на ретроспективном рассмотрении истории, где в качестве «пространства» (или как бы сказали математики: поля или держателя континуума для рассматриваемых признаков) выступает время. Постижению функциональных устойчивостей (закономерностей) лучше всего способствуют именно философские, а не научно-инженерные концепции, не аналитика, а синтез, движение от общего к частному. К этому тяготеет Восток (Азия) и правое полушарие головного мозга. Предметность, аналитическое мышление видит *отдельные деревья*, акцентируясь на их частных подробностях: берёзу, сосну, ель. Это, условно выражаясь, анатомия и микроскоп. Это Запад. Функционально-ориентированное сознание видит не отдельные деревья, а *лес*, его функциональную роль в игре и эволюционном развёртывании природы. В смысле глобальности и удалённости от мелких частностей, это – натурфилософия и телескоп. Это Восток.

Человек как личность, с её эгоизмом, то есть будучи сам в этом смысле *отдельностью*, в нынешнюю завершающуюся эпоху тяготеет к мировосприятию с помощью аналитики, через точность времени и предметно-количественные частности. К этому особенно тяготеет Запад, и в наибольшей степени англо-саксы, если сравнивать их с французами или в целом с современными романскими нациями.

Но, с другой стороны, человек как Гомо Сапиенс – существо социальное, в функционировании его ментальности и психики он явно часть общего. И даже телесно – как часть природы и, собственно, как ветвь с древа своего рода. Поэтому за пределами

личности, то есть вне акцента на персонализации (внешней атомарности) и эгоизме (душевной атомарности), используя уже совсем другие механизмы, присутствующие в мышлении и психике (интуиция, симпатия, чувствознание), и даже физиологически – акцентируя в себе иные органы и энергетические центры (сердце, эпифиз, тройничный нерв), способствующие интеграции – человек лично и коллективно способен соотнестись с общим, воспринять то, что мы назвали «функциональной устойчивостью» и что в восточных учениях имеет свои специальные наименования. Именно к более полнокровному и глубокому восприятию и пониманию общего, к жизни через общее тяготеет Восток. В этом суть наступающей новой большой эпохи.

Ряд теоретиков, считающих географическое положение ключевым условием жизнеспособности народов и государств, выявили различие между «народами континентов» и «народами моря». Для нас эта концепция сейчас интересна для сравнения *психологии* и *менталитета* народов. Согласно данной геополитической доктрине (выдвинутой, между прочим английским автором, Х.Д.Маккиндером), англичане, сформировавшись на большом острове, и даже утвердив столицу вовсе не на побережье, тем не менее, в значительной мере в международных отношениях явили менталитет «народов моря», или ещё точнее – «народов острова».

Надо отметить, что описание специфики островного мышления и поведения имеет богатую литературную традицию и образность, начиная от гомеровской Трои, и даже мифической Трипуры и Ланки, и заканчивая историческими повествованиями о финикийском Тире, его колонии Карфагене, или о тех же норманнах, захватывавших острова, в том числе Британию, и образовывавших прибрежные колонии на севере Франции и в ряде мест Средиземноморья. Значительная доля первых покорителей и поселенцев Нового Света, «дикого Запада» – это по менталитету и почерку – повторение движения тех норманнов, собранных теперь уже со всей Европы. Главное в таком поведении – это упор на деловые операции или просто захват преимущественно **за** пределами острова-базы проживания и, соответственно, предпочтение движимых ценностей, разработка способов их быстрого изъятия и перемещения к себе на «остров». Опять же, военно-морское ремесло, начиная от пиратства и заканчивая колониализмом и неоколониализмом. Как писал об островном индивидуализме соотечественников Дэвид Милстед: «Кто бы ни был тот человек, который назвал англичан “островной расой”, он всё равно оказался прав лишь наполовину. Каждый житель Англии – сам по себе свой собственный остров. Англичан [даже в собственное государство] объединяют только войны...»³

Сторонники классической геополитической доктрины, подразумевающей, что особенности географии решающе влияют на становление национального характера, вынуждены были признать исключения из правила. Так, японцы, давно проживая на группе островов, даже меньших по размеру, чем остров Британия, тем не менее, имеют явно не островную психологию. Их доисторическая цивилизация явно исходит из материка. Аналогичным исключением нужно считать древних греков V века до н.э., которых по недомыслию некоторые записали в сугубо «морские» нации, раз уж греки много торговали и плавали. При этом не отдаётся отчёт, что тогда весь Средиземноморский регион в таком случае был бы таков. Торговля торговле и мореплавание мореплаванию рознь. Испания в одно время и больше всех торговала и больше всех ходила по морю, но народом моря, главным признаком которого является психология островной обособленности, не была. Аналогично древняя, средневековая и современная Греция. С другой стороны, часть белого населения США, тяготеющая к побережью Атлантического океана, несмотря на причастность континентальному

---

³ Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане. М., «Эгмонд Россия лтд.», 1999.

государству, с начала XX века, а особенно после Второй мировой войны, при осуществлении международной и финансовой политики демонстрировали явно островной менталитет и островную психологию, присущую то гибким англичанам, то жёстким норманнам, и политически реализовавшуюся в XX веке как *атлантизм*. Точно так же такие географически явно континентальные страны, как Канада и Австралия, при доминанте там в правящих кругах, да и среди населения англо-саксов, также демонстрируют в отношениях с другими народами характерные островные черты.

Ярким выражением островного характера является такая черта как *социальный атомизм*. Более широкая черта, как *индивидуализм*, как показали статистические исследования психологов в целом присущ народам Запада в сравнении с остальными народами мира. В этом качестве белому Западу нет равных. Детальность и аналитичность мышления Запада вполне созвучны склонности к индивидуализму. Но как показал опрос 116-ти тысяч работников компании «IBM», проведённый в пятидесяти странах и на трёх континентах нидерландским социологом Гертом Ховстеде, внутри самого Запада население территорий с доминированием англо-саксов демонстрирует существенно более высокий показатель индивидуализма, нежели континентальные европейские страны, в частности, чем Франция и Германия ⁴.

Что же оказывается при формировании нации определяющим: география или врождённые свойства её духа и души? Из приведённых примеров следует, что народы при расселении тяготеют при всех прочих равных к географическим условиям, свойственным их характеру и наклонностям, в том числе по глобальному противоположению «континентальности» и «острова». Однако, и при вынужденном проживании в несвойственных им географических условиях их наследуемый из поколения в поколение «континентальный», либо «островной» характер поведения остаётся неизменным. Те же японцы или имевшие на протяжении многих столетий широкую географию проживания цыгане и евреи. Другими словами, «континентальность», либо «островной» характер – более глубинная черта национального менталитета и поведенческих предпочтений, нежели простая географическая обусловленность.

Противоположение западных народов на «континентальные» и «морские» позволяет понять причины многих войн и трений между народами одной и той же Западной цивилизации. «Континентальными» здесь были такие, как, например, Франция и Германия, а «островными», или «морскими» – англо-саксы, включая заселённые ими колонии. Все эти межевропейские войны, переносившиеся даже на далёкие пространства Африки, Индии, Америки и Океании, были внутрисемейным выяснением отношений и *внутрицивилизационным* притиранием. Монархические династии Европы выдвигали своих родственников то на один европейский трон, то на другой, продвигали вокруг соответствующую знать, а население, словно принадлежа одной «европейской нации», это спокойно принимало. Либеральных историков выявление подобной национальной индифферентности или лояльности укрепило в идее о радикальном пересмотре феномена нации, что никаких наций, собственно, не существует, а есть лишь культурная традиция и преходящие стереотипы. Мол, о какой нации рассказать, какой традиции научить, таким ребёнок и будет. Что даже если нечто и есть врождённое у человека от нации, то это не существенно по сравнению с культурой и воспитанием. Теоретически так оно и есть, но только не всегда, а на известной уже высокой степени развития нации. И, опять же, не с отменой национального, которое врождённо, а с гармоничным бесконфликтным сочетанием национального с общечеловеческим. Многие ли нации до такого дозрели?

---

⁴ Hofstede G. Cultures Consequences. International Differences in Work-Related Values. L.; New-Delhi, 1984. P.158.

Все эти внутриевропейские войны и дразги вели к дальнейшему увязыванию западных народов в единую семью, единое «тело», с уточнением ролей каждой нации внутри этой единой западной семьи. Достаточно явственно продемонстрировала это цивилизационное родство западных народов Вторая мировая война, то, как она велась, как завершалась, и как намечалась уже во время боёв линия отграничения западных народов от остальных. Хотя на время войны силою исторических обстоятельств немцы и группа европейских народов тогда оказались кратковременно с англо-саксами по «разные стороны баррикады».

Обнаруженную английскими геополитиками поляризацию народов на «континентальные» и «островные» (или «морские») было бы не вполне корректно переносить на масштабы всей планеты. Дело в том, что любой признак может оказаться для одних явлений их ключевой особенностью, если не стержнем, тогда как для других он будет приводящим или лишь дополнительным одеянием. По ходу жизни, несмотря на перипетии, стержень сохраняется, можно сказать, навсегда, в худшем случае он может «сломаться», что сделает организм инвалидом или вообще его уничтожит. Тогда как приводящее одеяние легко подвигается внешними влияниями и временем, без особого ущерба для организма. Наиболее значимо поляризация наций на «морские» и «континентальные» рождала драматичные следствия в рамках именно цивилизации белого Запада, а не по всей планете, это поистине тектонический раскол внутри организма самого Запада, имеющий давние причины. В масштабах всей планеты отчасти можно наблюдать нечто схожее противоположению между «морскими» и «континентальными» нациями, однако, здесь предопределяет историческую динамику более глобальное противоположение – Запад и Восток, или что часто означает почти что «развитый мир» и «третий мир», суть чего некорректно сводить к внутризакладной полярности «континент-остров». Строго говоря, островной менталитет англо-саксов, их сверхиндивидуализм – уникальны, в том числе и на самом Западе. И пока на планете во все времена в виде соответствующей нации присутствовал подобный уникум, раздваиваясь иногда на два полюса, рациональный ум и волю, или гибкий и жёсткий принцип (Финикия и Карфаген, Англия и Соединённые Штаты), иных решающе значимых представителей данной тенденции сверхиндивидуализма в одно и то же время не наблюдалось. Западный мир в целом шире, чем англо-саксы. Англо-саксы и норманны, распространившись в период их пассионарно-демографического и экспансионистского взрыва по всем континентам, кроме Антарктиды, вовлекли в орбиту своего экспансионистского потока большинство континентальных европейских держав. Однако, в отношении другого громадного средоточия: России, Китая, Индии, арабских народов и народов Африки весь этот поток выступает уже не в качестве «острова» по отношению к «континенту», даже и при доминировании концепции атлантизма, а как Запад по отношению к Востоку. И именно в таком виде, как Восток и Запад, а не как «остров» и «континент» это становится глобальным *межцивилизационным* противоположением.

Войны народов Запада с незападными народами имели заметно иной характер, иные последствия, нежели внутриевропейские войны, что объясняется как раз разницей цивилизационного родства. Когда на смену традиционных войн пришли торговые и информационные войны, это межцивилизационное глобальное противозвучание сохранилось. Все такие межцивилизационные войны способствовали выявлению характерных отличий Запада, дальнейшему его дистанцированию и обособлению от остальных.

Вышесказанное вполне согласуется с общеприродными законами и хорошо прослеживается в биологии. В мире животных свободные цельные организмы при больших конфликтах – обособляются или даже разбегаются. Несамодостаточные, симбиозные, а в нашем случае это Запад (Западная Европа) и Восток, – при больших трениях, если позволяют условия, автономизируются. Хорошо видно, что глобальные

цивилизационные ядра (стержневые нации) в периоды решения вопроса жизни и смерти всего организма сосредотачиваются на рудиментарно родовом, подтягивая к себе преимущественно лишь своё. Подобное наблюдение в динамике неочевидного организма позволяет обнаружить его границы, его «своё», а также определить расположение его волевого и жизненного центров.

Лимитроф

Для здорового сосуществования Запада и Востока, как двух самодостаточных больших организмов, оказавшихся в слишком тесном сухопутном соседстве на Евразийском континенте, закономерным образом возник соединительно-разделительный слой. Этнически и географически такой слой имеет немалую ширину, образуя целую полосу, занятую народами Восточной Европы. В подобном качестве народы Восточной Европы можно назвать *межцивилизационными народами*. Завоевательные движения со стороны Запада через данный пояс в сторону Востока, и наоборот, завоевательные и оборонительные с Востока на Запад, постоянно нарушали его баланс. Народы этого промежуточного пояса, с одной стороны, извлекали выгоду от посредничества и торговли в обе стороны, с другой стороны, во время цивилизационных конфликтов оказывались между молотом и наковальней. В аналогичной ситуации оказалась три тысячелетия назад Палестина и сопредельные земли, населённые всевозможными племенами, выступив тогда буфером между двумя соперничавшими могущественными цивилизациями древнего мира: Египтом и Вавилонией, а затем Персией. Когда в регионе устанавливался мир, в соединительном поясе постепенно вызревали небольшие царства. Они редко успевали развиться до подобия полноценных государств. Когда начиналась очередная война, очередной поход с Запада на Восток или с Востока на Запад, многие из них разрушались, племена угонялись или уходили на иные земли, мешались традиции и языки, и только по прошествии длительного времени жизнь начинала свою новую прядь, где-то залечивая, а где-то восстанавливая всё уже на совершенно новом основании. Спустя два тысячелетия аналогичную судьбу разделили народы Восточной Европы и их политические образования: Польша, Речь Посполитая, прибалты и прочие народности и страны межцивилизационного пояса, названия которых стали особо активно припоминать и изобретать в XX веке, в период обострения противостояния Азии и Запада.

В литературе эти межцивилизационные территории (и населяющие их народы) некоторые авторы предложили называть *Лимитрофом*, от латинского *limit* – граница, и *limitrophus* – пограничный. Так в Римской империи назывались пограничные области. В данном случае они пограничны для обеих цивилизаций. Авторы лимитрофной идеи рассматривают Великий Лимитроф лимбообразно расположенным вокруг России и не столько по аналогии с древнеримской периферией (за которой «неизвестность»), сколько как разделительный барьер, буфер. Понятно, что на Дальнем Востоке Россию от американского континента, от Запада отделяет океан, и здесь малоосвоенные регионы, поэтому здесь не требуется Лимитроф.

Важно заметить, что внутри глобальной цивилизации, которая подобна самостоятельному организму, такого устойчивого, драматичного в своей судьбе лимитрофного пояса не образуется. Его не возникало ни внутри стран Запада, ни между странами Азии. Народы Центральной Азии (казахи, узбеки и прочие), которых некоторые отнесли к лимитрофному поясу (простирая сам околороссийский пояс, можно сказать, от Финляндии до Кореи /В.Л.Цымбурский/), по всем признакам являются не буфером, каковым являются Польша, прибалты и пр., который разделяет две глобальные цивилизации, а вполне понятным функциональным «органом» в теле одного и того же организма Большой Азии.

Лимитроф – это качели судьбы, течение которой, как и в любой соединительной ткани, в главных событиях зависит от тех, кого такая ткань соединяет, а не от самой ткани. Особенность Лимитрофа ещё заключается в том, что им соединяются не просто взаимосвязанные органы, а два *разных* организма. Если допустить, что западно-европейцы целиком перебрались бы в Америку, то явление разделительно-соединительного Лимитрофа между теперь двумя континентами полностью было бы заменено океаном, и восточно-европейский Лимитроф рассосался бы туда и туда, а оставшиеся в Евразии стали бы целиком Азией. В случае нынешнего Лимитрофа, возникшего на Евразийском континенте, оба соединяемых здесь организма, Восток и Запад, оказались тесно связаны друг с другом; по силе они примерно соразмерны, но в значительной части дел вынуждены действовать через лимитрофный буфер. Между прочим, с активностью использования авиации и всё большей эксплуатации Северного Арктического пути роль Лимитрофа резко упала. В отношении народов Центральной Азии, которых некоторые зачислили в Лимитроф, никакого такого мощного влияния с неких двух сторон на Центральную Азию нет, кроме ключевого, почти что одностороннего доминирования здесь России. Короче говоря, Центральная Азия – не Лимитроф, если под таковым подразумевать реальную разделительную ткань, отделяющую два самостоятельных и самодостаточных организма.

Рассматривая глобальную поляризацию, необходимо отметить, что любой развитый организм, в силу энергетической симметрии, как правило, по горизонтали имеет правую и левую стороны, то есть свой «малый восток» и «малый запад», малый инь и малый ян. Аналогично по вертикали свой «север» и «юг». Но примерно посередине между ними (конечно, географически не столь всё симметрично) располагается не Лимитроф, а центральный жизненный стержень, в энергетическом средоточии которого – центр центров, хранилище его души – сердце. Именно этот центр определяет судьбу всего организма, левой и правой его половины. Ничего подобного в случае с Лимитрофом (или с Великим Лимитрофом) нет. У группы лимитрофных народностей и стран фактически нет никакого общего центра, вся их группа в культурно-цивилизационном, политическом, географическом и прочих отношениях достаточно аморфна, пластична, и на протяжении длительной истории эти народы и народности ни по отдельности, ни все вместе никак особо не влияли ни на ту, ни на другую глобальные цивилизации. Иными словами, происхождение Лимитрофа вторично и вызвано уникальным случаем сухопутного тесного сосуществования двух равновеликих глобальных цивилизаций.

Французы и англо-саксы

Если стержневая роль англо-саксов для образовавшихся англо-саксонских стран, а в настоящее время и всего белого Запада – очевидна, то в отношении души белого Запада обнаруживается специфическая двойственность. Две нации исторически претендовали на роль средоточия души и духа Запада: французы и англичане.

Менталитет и характер французской нации, сравнивая её с немцами и англичанами, ряд авторов соотносит или прямо выводит из кельтского этноса. Альфред Фуллье писал, что «нервный темперамент часто встречается также среди кельтов и славян; известная нервозность даже составляет по-видимому их отличительную черту. Нервность (чувственность. – *А.В.*) французов почти вошла в пословицу... Кельты не ощущают потребности рыскать по свету, пускать стрелы в небеса и бороться с морем; они любят родную почву и привязаны к своей семье; ими овладевает беспокойство, когда они не видят дыма, поднимающегося над их крышей; они создают в воображении свой собственный мир, часто фантастический, и путешествуют в нём, не покидая своего угла; они охотнее рассказывают о приключениях, нежели бросаются в них. Будучи прозаиками, когда этого требуют условия их жизни, они обладают однако мечтательной и волшебной

поэзией... По мнению Грант Аллена, кельт обладает “железным организмом, страстной энергией, неукротимой жаждой опасности и приключений, лихорадочным воображением, неистощимым и немного цветистым красноречием, нежностью сердца и неиссякаемым великодушием”... Даже антропологи, создавшие эпопею о белокурых [германцах], не могут отказать кельто-славянам в уме, часто “равняющемся уму самых способных арийцев”... Обратите внимание на основные свойства характера, явившиеся результатом смешения различных этнических элементов в Галлии, и вы увидите прежде всего, что чувствительность наших предков уже и тогда характеризовалась нервной подвижностью, в которой нас упрекают в настоящее время, как в признаке “вырождения”. Цезарь называл эту нервную подвижность “слабостью галлов”. Римляне констатировали также у наших предков, как резкое отличие от их собственного характера, крайнюю склонность воспламеняться целыми группами и усиливать возбуждение каждого возбуждением всех. Современная наука называет это явление нервной индукцией... Дух общительности и быстро возникающая симпатия порождают великодушие. Известно то место, где Страбон говорит, что галлы охотно берут в свои руки дело угнетённых, любят защищать слабых против сильных. Они [среди своих] наказывают смертью убившего чужестранца и в то же время осуждают лишь на изгнание убившего своего согражданина; наконец, они охраняют путешественников»⁵.

Разительно иные характеристики давали древние и последующие авторы племенам англов, саксов и ютов, норманнам, древним скандинавам и англичанам.

Жреческая каста друидов Британии, с их загадочным культом, пронизывавшим всю жизнь древних кельтов, входила в единую организацию с друидами континентальной Галлии. В ходе англо-саксонского завоевания Британии (V—VI вв.) бóльшая часть кельтов, соответственно, и друидов, была истреблена, часть вытеснена в Уэльс, Шотландию, Корнуолл, где они смешались с местными аборигенами, и на полуостров Арморик (современная Бретань). Ныне французская Бретань, как считают некоторые историки, была цитаделью древней кельтской цивилизации. Часть французских историков эту область, остаток великой Галлии, считают истоком французской нации.

Древняя Галлия, принадлежавшая галлам – племенам кельтской группы, с начала V в. до н.э. и до римского завоевания (I в. н.э.) включала земли нынешней Франции, Бельгии, части Швейцарии, Германии и Северной Италии. Примерно в тех же границах впоследствии на смешении с вторгшимися из Азии древнегерманскими племенами, возникло Франкское государство (V – IX вв.). Одним из остатков этого расколовшегося «общеевропейского» государства, возникшего на смешении всевозможных, и пришлых, и давно здесь осевших племён, и стала «галльская» Франция – сердце Западной Европы.

Знаменитый Стоунхендж возник на британском острове ещё раньше кельтских поселений, по данным радиоуглеродного анализа примерно около 2440 – 2100 гг. до н.э. Некоторые полагают, что друидическая религия, друидическое жречество, укоренившееся среди кельтских племён, было старше пришлых кельтов, что оно имело и иной этнический состав, и что, подобно египетским фараонам, друиды были потомками древней цивилизации и последними хранителями и продолжателями древнего знания на этих суровых территориях, последним свидетелем чего остался Стоунхендж.

Первая волна кельтских переселенцев пришла на остров Британия около 700 г. до н.э. Они распространились по всей территории Британских островов, как полагают, относительно мирно смешавшись с местным населением. Именно кельтскому (или даже скорее друидическому) слову *brith* — «пёстрый», остров обязан своим названием – *Британия*, и *бриттами* римляне стали именовать кельтские племена, владевшие этим островом. К моменту англо-саксонского завоевания кельто-друидическая Британия уже

---

⁵ Фульье, А. Психология французского народа / пер. с фр. СПб., издательство Ф.Павленкова, 1899.

несколько веков была покорена и в значительной степени культурно романизирована римлянами.

Ослабляя своими междоусобными войнами страну, враждовавшие кельтские вожди стали приглашать с континента на службу дружины англов, саксов и ютов (германо-скандинавские племена). Происхождение и прошлое их настолько покрыто туманом, что никто не может даже определённо утверждать, говорили ли они все на едином наречии. Такие дружины, оставшиеся на зимовку в Британии, и были первыми завоевателями. Монах Гильдас, возможно, епископ, в своём сочинении «О гибели Британии» (6 в.) пишет о междоусобных причинах трагедии: «Советники вместе с гордым королём ввели в страну яростных саксов, ненавистных богу и людям, для отпора северным племенам». Эти дружины предков будущих англичан прибыли на трёх кораблях, затем к ним присоединились дополнительные отряды. Все они требовали платы, грозили разорением, если им не платили, и осуществляли свои угрозы. Дальнейшее завоевание Британии ютами, англами и саксами приходится на вторую половину V века. Высадка дружин морских разбойников на побережье сопровождалась пожарами, истреблением всех, кто попадал в руки завоевателей, грабежами и насилиями. Кто мог, спасался бегством. Местное население было охвачено паническим ужасом и полностью деморализовано. Это делало невозможным какое-либо сопротивление завоевателям. Из «Англо-Саксонской хроники», например, выясняется, что саксонский вождь Элла со своими сыновьями высадился в 477 году, перебил всех попавшихся ему бриттов, а остальных загнал в Андеридский лес. Затем осадил и взял Андериду (491 г.), где также всех перебил. Гильдас сообщает о разорённых и разгромленных городах, брошенных затем завоевателями, так как они не представляли для них интереса, о рухнувших башнях, обвалившихся стенах, опустошённых деревнях, заброшенных полях, на которых не было ни колоса. Он пишет о том, как кельты бегут в горы и леса, как их ловят, убивают, наиболее упорных голодом вынуждают к сдаче, а потом либо убивают, либо обращают в рабство. Некоторые, спасаясь, бегут за море на континент или в Ирландию. «Огонь их (*саксов*) ярости лизал своим красным языком западный океан (*Ирландское море*)», — говорит летописец.

Второй этап завоевания начинается с конца V века. Он ознаменовался временной консолидацией сил кельтов, которые, объединившись под властью Амвросия Аврелиана, перешли к вооружённому сопротивлению завоевателям. Считают, что Амвросий Аврелиан происходил из знатной римской семьи, был одним из немногих римлян, уцелевших в Британии в ту бурную эпоху. Он был вождём романо-бриттов, бившихся против англо-саксов, и, как считается, прообразом легендарного персонажа — Короля Артура. Современник Гальфрида, Уильям Мальмсберийский, называет Аврелиана «...последний из уцелевших римлян, который стал монархом после Вортигерна, подавил самонадеянных варваров при помощи Артура...». Другие считают Короля Артура сугубо кельтским персонажем. Первая историческая хроника, в которой упоминается Артур — это «История бриттов» (лат. *Historia Britonum*), написанная на латыни примерно в 800 г. н.э. валлийским монахом по имени Ненний. Многие учёные считают, что Ненний опирался при создании «Двенадцати битв Артура» на народные предания Уэльса. Вместе с тем, известно, что в Уэльс была вытеснена часть кельтов. В этой хронике об Артуре говорится, что он одержал двенадцать побед над саксами, окончательно разгромив их в Битве при горе Бадон. В любом случае, центральный герой британского эпоса и многочисленных рыцарских романов, ставший впоследствии и главным героем английской литературы, сражался против предков англичан.

Историки отмечают, что действительно, именно в начале VI века продвижение саксов на запад Британии на время приостановилось. Это, по мнению многих исследователей, может служить доказательством реальности побед Артура (или его прототипа) над саксами. Но об объединении Королём Артуром всей кельтской Британии и прилегающих островов, как о том гласят легенды, историки подтверждений не находят. Предположительно численность кельтов (бриттов) к началу англо-саксонского завоевания

составляла 2 млн. человек, а численность завоевателей — не более 200 тыс. Кельтские вожди тогда не только принялись за междоусобицы, но и часть из них, опираясь на часть жрецов-друидов, постаралась избавиться от иноземного римского господства. Легенда о Короле Артуре сообщает о классическом для подобных случаев предательстве со стороны близких, от чего герой и погиб.

Английская нация фактически ведёт своё начало с 1066 года, с завоевания англо-саксонской Британии норманнами и смешением с этим воинствующим племенем. Норманны, как считается, были северными викингами, последней родиной которых до этого была Скандинавия. В своё время норманны захватили северные земли франков — нынешние земли севера Франции, носящие название *Нормандия*. Культура романизированных франков была выше, поэтому завоеватели-норманны приняли их язык (старофранцузский язык, развившийся в своё время из народной латыни), их административно-государственные основы и прочие элементы цивилизации. В 1066 году норманны завоевали англо-саксонскую Британию, говорившую тогда на немецком языке (диалект низменного побережья Германии и Голландии, восходящий, в свою очередь, к распространённому в быту языку пришедших из Азии германских племён, не принявших латыни). Даже в начале второго тысячелетия вряд ли можно было говорить о существовании самостоятельного английского языка. С земель франков в завоёванную Британию норманны пришли как носители французского языка (смешанного с нормандским), французской культуры (хотя и со своими особенностями) и французского феодального государственного устройства. После этого англо-саксонская знать более двухсот лет разговаривала только на норманно-французском, который до XIV века оставался здесь языком художественной литературы. В складывающийся у населения язык привносили и наречия Уэллса, Горной Шотландии, Корнуолла и Ирландии. С кельтами, практически полностью вытесненными тогда с острова англо-саксами, у будущих англичан как и с будущими французами, слияния не получилось. Поэтому историческое возведение английского языка к кельтскому, встречающееся в популярной литературе, с учётом яркого антагонизма между двумя этносами, не корректно.

Барьер между англо-саксами и кельтами оказался непреодолим. Здесь обнаруживается целый комплекс всевозможных причин, психологического, подсознательного, энергетического, культурного и религиозного характера. Британия V — VI веков стала ареной прямого столкновения двух половин зарождающейся очередной Западной цивилизации.

Примечательно, что в генезисе языкового развития Западной Европы, одни народности, так называемые «романоязычные» (французы и пр.), оказались созвучными восприимчивыми Римской империи, соответственно и её культуры и цивилизованности, например, целиком приняв римское частное право (так называемое континентальное право). Тогда как другие в известной мере оказались антагонистичными римской культуре и прямой рецепции её языка, в частности противопоставив *континентальному римскому праву* — так называемое *прецедентное, английское право*. Аналогичное противостояние, опять же по «континентальности» и «морю» (торговле) можно обнаружить более тысячелетия назад между Римской империей и Финикийской империей (включая Карфаген).

Норманнское завоевание Британии только обострило военизированные наклонности нации, в миниатюре отрететировав то, что спустя несколько веков будет полномасштабно использовано при сооружении Британской морской империи. В Англии, захваченной норманнами, поначалу их было не более 10 000. Норманны оказались в окружении много превосходящего по численности, чуждого по культуре и языку населения. Это вынуждало завоевателей прибегать к тактике создания условий для выживания малыми вооружёнными группами в укреплённых замках, откуда можно было совершать рейды в целях осуществления контроля за окружающим населением [Gillinham, 1995, p. 104–105]. Нормандские сеньоры, следовавшие за королём Вильгельмом в

Англию, вынуждены были сгруппироваться вокруг своего господина, чтобы защитить свои завоевания и свою собственность. Завоеватель сумел избежать опасности, которую представляли для него слишком мощные вассалы, следующим образом: при распределении земель, которые он раздавал своим соратникам, он не создал ни одного крупного феода, и поэтому ни один «барон» не мог соперничать с ним. Качание между централизмом (абсолютизмом) и раздробленностью сопровождало всю историю Англии, а затем Великобритании. В известном смысле история Англии начинается как история колонии, что впоследствии как некий цивилизационный код англо-саксов предопределил судьбу прочих возникших после англичан государств: США, Канады, Австралии, ЮАР. Поэтому мы специально разбирались с феноменом «островной психологии» и «островного менталитета».

Только в 1362 году английский язык, вызревший к этому времени как «языковой компромисс» с его многочисленными истоками, был введён в судопроизводство Британии, в 1385 году было прекращено преподавание на норманно-французском языке, а с 1483 года парламентские законы стали издаваться на английском. Хотя основа английского языка осталась германской, он включил в свой состав большое количество старофранцузских слов, став языком смешанным. Население Англии к 1300 году составляло около 3 млн человек (в 3 раза больше, чем в эпоху Норманнского завоевания), во Франции же – 22 млн.⁶

Французская культура ещё много веков оставалась душою Западной цивилизации. Ко временам славы Наполеона Франция поднялась до величины одной из могущественнейших держав мира. Всё шло к тому, что из эпохи *феодализма* в эпоху *социального государства* Запад войдёт не в мейнстриме островной исключительности Англии, приняв вид «атлантической цивилизации», а в орбите союза континентальных народов под знаменем пламенной Франции. Возрождение и Просвещение в Европе, как бы обратившись взором к высочайшим идеалам эпохи античного синтеза, начались с наиболее динамичных в то время в Европе народов, в том числе с итальянцев, а завершились апофеозом французской культуры. В других странах хотели одеваться как французы, говорить по-французски, читать французскую литературу, подражать манерам французов. Как пишет современный английский автор, «...к концу XVIII века появились жалобы, что офранцуживание становится в Англии условием для продвижения по службе. Такие драматурги, как Корнель и Расин, вызывали большее восхищение, чем Шекспир, а английские поэты Поуп и Э.Р.Эддисон стали подражать стилям французского стихосложения»⁷.

Всё то же самое имело место почти два тысячелетия назад при всемирном распространении греческой культуры. К моменту славы военного гения Александра Македонского гений греческой культуры вознёсся до высшей точки мирового признания. Гений французской культуры оказался аналогичным образом вознесён при торжестве военного и политического гения Наполеона. Великая французская революция, европейские походы и законодательные новации Наполеона изменили Западную Европу и проложили путь для перехода всего человечества на новую послефеодальную ступень. Знаменитый девиз Французской революции: «Свобода, Равенство и Братство» стал идеалом для демократических изменений во всём мире, для высвобождения человечества от средневекового мракобесия и рабства. Наполеон заложил в Европе образец социального, межнационального и конфессионального равновесия, то есть цивилизационные основы единой прогрессивной континентальной Европы.

Ошибочный поход Наполеона на Россию – сердце Азии, стал причиной заката могущества Франции, утратой ею стержневой роли, а вместе с этим и падения континентальной доминанты в развитии Западной цивилизации. Отступничество

⁶ См.: McDowall, 1997, p. 36–38; Брайант, 2001, с.257.

⁷ Паксман, Д. Англия: портрет народа. СПб., Амфора, 2010.

Наполеона от первоначальных планов глубокой демократизации Запада, искушение королевскими почестями и монаршей властью, увлечение примером колониального паразитизма Британии, в итоге привели Францию к падению. Ослабление Франции позволило островной Британии стать крупнейшей империей с колониями на всех обитаемых континентах, дало ей возможность целый век удерживать господство на главных морских путях – этих артериях глобального мира.

Душа нации

Жизнедеятельность человека связана с несколькими достаточно различающимися «этажами», или «планами»: физическим телом, психической деятельностью, ментальностью и духовностью.

Каждый из этих восходящих «этажей» организации жизни отдельного человека, рода, нации, наконец, всего вместе взятого человечества, на определённой стадии развития приобретает относительно самостоятельную динамику и несводимое к нижним этажам содержание. При этом с прочими своими этажами, как уже развившимися, так и ещё не вполне развившимися, доминирующий в данный период «этаж» образует очередную новую устойчивую комбинацию. По аналогии с музыкой это подобно аккорду, или определённой музыкальной гамме аккордов, их ритмике, относительно неизменной до очередной реорганизации.

Среднестатистический современный человек в течение одной жизни проходит шесть таких внутренних периодов. Некоторые из этих переходных границ психологи и физиологи назвали «переходным возрастом». Аналогичное число и с аналогичными акцентами, равно как и «революциями» стремится пройти зрелая духом нация и, соответственно, глобальная цивилизация. Не зрелая ещё духом нация не успевает полноценно освоить верхние качества (этажи). Впрочем, дело не в числе ступеней и периодов, в каждом конкретном случае будут свои особенности, а дело в принципе ступенчатости и в повторяющейся последовательности доминирующих качеств. Через ступени невозможно перепрыгнуть, развивающийся мир третьих стран не может вдруг стать развитым, это очень высокорасположенная и требующая много времени для вызревания цивилизационная ступень. А нарушение последовательности прохождения на соответствующей ступени приводит к рассогласованию строя всей системы. Теоретически можно ребёнка какими-то радикальными методами, включая лекарственные, перевести из детства в молодёжный возраст, так сказать, состарить, минуя юношеский переходный возраст, так называемое «половое созревание». Нечто подобное иногда пытаются совершить в отношении молодой нации или народности, равняя их на пожилые нации. Но подобное неизбежно повлечёт сложные балансовые болезни, деградацию любого этажа и даже досрочную гибель всей совокупной системы.

Если физическое тело, между прочим, родственное животным, по мере эволюции человека со временем оказывается не определяющим (роль социума и культуры), то вполне можно сделать вывод, что известная автономия высшей деятельности человека, то есть структурная и динамическая устойчивость его высшей психической жизни, мышления и духовности, может быть обусловлена лишь *созревшими* к этому времени соответствующими тонкоматериальными основами. Психической, ментальной и духовной «телесностью», до известной степени сопряжённой с нервной системой, мозгом и сердцем отдельного человека.

И не только сопряжённые персонально, как об этом в подробностях сообщают многие древние восточные учения, в частности индийские и китайские практики. Но равно и сопряжённые с аналогичным *общеродовым составом*. С тем, что можно назвать «душой нации». Или что уже несколько столетий разные авторы называли *эгрегором* (в начале эры об этом говорят гностики, в позднее время Виктор Гюго, неорозенкрейцеры,

Даниил Андреев), *родовой души*. Другие называли ментальный аспект этого феномена – *ноосферой* (В.И.Вернадский), *свитками Акаши* и так далее.

Именно эта зарождающаяся устойчивая конструкция с персональным для нации набором доминирующих признаков, будучи «ветвью», развивающейся в свою очередь на аналогичном глобальном «древе» (так сказать, «маршрутной карте» *биосферы* планеты), в конечном итоге приведёт и к обнаружению и историческому оформлению, или как говорят обществоведы и историки – складыванию самой нации и соответствующей её государственности. С развитием общества вызревает планетарная *социосфера*, не ограниченная одной лишь ноосферной «информацией». В известной степени низшая и высшая планетарная «душа». С тем лишь отличием от человека, что у человека помимо аналогичного уровня животной, то есть рудиментарной и «подсознательной» части души имеется ещё и формируемая самим человеком и человечеством высшая и, в значительной мере, сознательная часть души, принадлежащая «я», или духу человека. О планете в целом, как и о природе, говорить о некоем её «я» в общепринятом смысле, о некоем её «персональном духе», невозможно. На человеке среди прочих царств природы персонализация в ближайшем окружающем нас мире заканчивается, и дальнейший эволюционный видовой прогресс осуществляется за счёт групповой, организационной солидарности, за счёт приращения социосферы. Планета – ни персонa и ни организм, чтобы иметь своё «я», она скорее орган в любой солнечной системе, это площадка для развития всевозможных организмов и царств. Таким образом, можно предположить, что у каждой живой, незамороженной планеты за время её эволюции формируется своя родовая душа, некое живое, пульсирующее психической энергией поле, включающее «память» о всех населяющих царствах, строениях каждого вида, в частности столь удивляющие учёных весьма сложные поведенческие врождённые инстинкты животных и человека. В отличие от стационарной и копируемой информации, связанной с генами, родовая информация – это живой процесс, хотя и в большей мере на уровне телесности. Потому и термин «родовая душа», который используется для явлений низшего, фактически околоживотного порядка. Отсюда принятая в древних традициях маршрутная карта для родовой души с изображением в основном животных – её по-гречески называли «Зодиак», что буквально означает «круг животных». Из этой же области «душа нации», присущие ей темперамент и низшая, околоживотная половина психической деятельности нации, рода. О высших составных необходимо разговаривать в другом исследовании.

Феномены души и духа нации, стоящие за культурой и конкретной национально-цивилизационной принадлежностью, оказываются намного плотнее и органичнее, а главное – они *взаимосвязаны* с созвучной родовой общностью, нежели одна лишь «информация», заключённая в изолированной от соседей ДНК. До сих пор с помощью генной информации биологи пытаются объяснить всё грандиозное здание персонального сознания, при том, что она не известно как и не известно через что сопрягается с мышцами и мозговыми извилинами гомо-сапиенса, равно как и чувствами.

Таким образом, душа нации, это не просто «функция» от суммы персональных биологических тел социума, их молекул, атомов и электронов. В результате, опираясь на вполне «плотный» субстрат, свою специфическую «телесность», душевное и духовное нации оказывается связано основными закономерностями роста, развития и увядания.

Для компьютерной и любой иной информации «рост» не требуется, здесь нет отношений родителей и потомства, нет, значит, и срока жизни и эволюционной цикличности. Информация, строго говоря, в своём смысловом содержании, пребывает вне пределов проявленного пространственно-временного континуума, она вне нашего мира «вещей», (если это не так, то покажите на то место, где она «лежит» и на то, чем она «лежит»). Она отражается и копируется, то есть передаётся в любом объёме и в любом содержании. Было бы кому и чем считать. Агенты ракового заболевания именно этим самым и занимаются, злоупотребляя на информационной открытости и эксплуатируя тот же самый процесс информационной связи, что и между родовой структурой и

персональным организмом. И через тот же самый механизм, на ранних стадиях с помощью радио и лучевой терапии, пока не произошло «уплотнение» или вращение болезни, удаётся выгнать болезнь. Информация – это только масло, но чтобы от этого масла был толк, возник свет, необходима соответствующая лампа. Появление и исчезновение цивилизаций и наций демонстрирует явно колебательный и циклический характер, что не соответствует природе и свойствам чистой информации. Процесс воспитания и образования как отдельных людей, так и целых наций показывает, что одной «информацией» дело роста эволюционного уровня не ограничивается. Человек не биокомпьютер. Помимо приращения голого знания и рефлекторно-телесного опыта требуется ещё соразмерное развитие духа и души. А для такого роста требуется очень и очень много времени, в цивилизационном плане для каждой перевоплощающейся «нации» – многие тысячелетия. Чего для передачи информации, и даже для поверхностных форм внешней культуры, сводимых к «информации» и «моде», как раз, не требуется.

Поэтому не только человек персонально, и не только отдельно взятая нация, но и целая цивилизация, подчиняясь на всех этажах своих организмов законам телесной и тонкотелесной эволюции, имеют ограниченный временем цикл развития и увядания. Даже при сохранении тех же «генов» и телесной наследственности у старых наций, например, у китайцев или северных индусов. В этих телах (впрочем, и они очень сильно изменились), и даже в случае бережно сохраняемой древней культуры, здесь за многие тысячелетия уже несколько раз сменилась цивилизационная волна. Сегодня это душою и духом молодые нации.

Совсем иные японцы, а также нации Старого Света, где в основной массе последних поколений душа и дух заметно много старше, нежели их полуторатысячелетнее тело европейцев. Именно отсюда, из-за этой возрастной зрелости духа нации – их более высокие цивилизационные достижения, их победы и более тёплые места, захваченные в неравной конкуренции с прочими нациями, а вовсе не из-за особо правильных генов «истинных арийцев», или особо правильного пути.

В Новой Америке и в Новой России, у новоцивилизационного их ядра – аналогично эволюционно зрелый дух. Но здесь вполне молода душа и вполне молодо новыми сочетаниями тело. Под стать энергетике и предпочтениям наступающей новой эпохи.

Новый Запад и Новая Азия

На стержневую роль современного Запада со второй половины XX века выдвинулись северо-американцы (США). По всем признакам Америка, это – Новый Запад, зачаток новой Западной цивилизации. Наименование «Новый Свет» для открытой Колумбом Америки оказалось вполне верным. В своё время варвары, нахлынувшие в Европу, сместили и заменили Римскую цивилизацию на Европейскую (или современную Западную) цивилизацию. Так и сейчас, на смену Старому Западу пришёл Новый Запад.

Если в Старом Западе возобладал дух англо-саксов, то в случае с северо-американцами США вырисовывается проблема с их национальной самоидентичностью. Обычно мы говорим «американцы», подразумевая жителей (граждан? обитателей?) США. Однако *американцами* с полным правом называются и жители любой другой страны на обоих Американских континентах. Само название страны (США, USA) не способствует склонению для названия нации, а когда страна образовывалась, то здесь была английская колония и большинство граждан были англичане. В результате неразрешимый вопрос: «Кто мы?» терзает американских мыслителей которое столетие. Дошло до того, что ряд теоретиков стал утверждать, что не существует американской нации, что это набор или даже винегрет этносов и рас, что идентичность американцев определяется их

гражданством, то есть совершенно искусственным, можно сказать, бюрократическим признаком. Мэтр американской социологии и политологии Самюэль Хантингтон в 1990-е годы призывал американцев в целях сохранения самоидентичности (и вообще для выживания перед надвигающимся на белую расу кризисом) обратиться к британским корням нации, к английскому духу. Но всё это было весьма старомодно, и ему мало кто внял. А без определённости лица, при непонятности личности, как можно определить истинную американскую душу, как её идентифицировать?

В ключе той же цивилизационно-расовой дилеммы давно звучит аналогичный вопрос в России, но формулируется он совершенно иначе. Если американцев волнует внутренняя самоидентичность, а внешняя – принадлежность к Западу, абсолютно ясна, то у России с внутренней русской самоидентичностью как раз абсолютно ясно, но в России проблема с внешней самоидентичностью, к чему Россия более тяготеет, к Европе или к Азии? По этому поводу в России велись и до сих пор ведутся бесконечные споры. В случае с Соединёнными Штатами ясно, что стремительно увеличивающаяся здесь доля цветного населения, ко всему прочему, в большинстве своём не принадлежащего к основной религии современного Запада – протестантству, а также всё более изъясняющегося на испанском языке и всё более сторонящегося англо-саксонских, да и в целом, «западных» ценностей, не может одновременно с белыми северо-американцами являться стержнем всей Западной цивилизации. Для коренного населения Старой Европы и Великобритании, то есть, для старой Западной цивилизации и её культуры, подобное немыслимо.

При схожести проблемы для России и для Соединённых Штатов выбора между двумя крайностями расово-культурной идентичности, у России – снаружи, а у Америки – внутри, не следовало бы предположить, что у зарождающихся на основе России и Америки двух новых мировых потоков, Новой Азии и Нового Запада, в ядре каждого из них будут одновременно сочетаться энергетика, ментальность и культурная составная белого и цветного, или как его сегодня называют, третьего мира? Ведь, собственно, послемонгольская Российская Азия, равно как и Америка, начавшая в то же время свой старт от азиатского привхождения мавров в Испанию, давно идут к подобному органичному сочетанию Севера и Юга. В отличие от остальных стран как Азии, так и Запада, послемонгольская Россия и послеколумбова Америка изначально формировались на генетическом и психоэнергетическом смешении рас. К названным аспектам, или нижним «этажам» новой цивилизации (генотип и психоэнергетика), дополнились имеющие смешанные национальные черты культура и духовность. Так в Америке и так в России. В какой пропорции у кого, в России или в Америке, было больше или значимей белого или цветного, не имеет значения. Главное, что само подобное органичное сочетание является ключом к новой эпохе и новым цивилизациям.

Таким образом, старый вопрос о том, к какому миру, белому или цветному, или к Северу или Югу, принадлежит ядро нации (к кому относится Россия – Европе или Азии, а Америка – англо-саксам, коренным американцам, испано-португальцам или латиносам?) – принадлежит старой, а не новой эпохе.

В новой эпохе принадлежность народов к Азии и к Западу будет определяться не по расовому признаку как раньше, а по особенностям врождённой ментальности и врождённой психоэнергетике. В созвучии с ними будут вызревать особенности духовности и культуры. На планете, на новом принципе сочетания постепенно будут формироваться Новая Азия и Новый Запад.

Новый принцип цивилизационного сочетания, ко всему прочему, даёт возможность понять, какие народы и страны относятся явно к старому, отходящему миру, то есть кто завершает вместе со старой цивилизацией свой цивилизационный круг. А где вызревают душою новые, молодые народы, в том числе в обновляющейся, возрождающейся Азии. Старому миру, старым нациям в силу иной предрасположенности затруднительно органично сочетать собственные энергии с сильно отличающимися расово чужими

энергиями. В частности, именно ключевые старые нации явили характерный для них колониальный захват и жесточайшую эксплуатацию, и они же впоследствии, лишившись колоний, показательно отправились в безвестность и на скромную пенсию. Наиболее крепкие из них, и менее других из ключевых стран успевшие поучаствовать в колониальной эксплуатации, Германия и Япония, в конце XX – начале XXI веков тряхнули стариной, но это, судя по всему, была их золотая осень.

Послемонгольская Россия и послеколумбова Америка в основе их исторического пути в части неконфликтного сочетания существенно разных этносов и рас развивались иначе, принципиально по-новому.

Одностороннее развитие всегда ущербно, оно оборачивается злоупотреблением, культура и цивилизованность призваны вершить гармонию. При этом специфика «левого» и «правого» всегда остаётся, она от рождения. При сбалансированном развитии, при подлинной культуре можно добиться того, чтобы, как говорят в политике, одним быть консервативными демократами, а другим – демократическими консерваторами. И, конечно, – взаимодействие и взаимодополнение между двумя цивилизациями, Востоком и Западом.